

The background is a high-contrast, abstract composition of black and bright yellow. It features numerous diagonal streaks and a central, intense yellow explosion or burst of light, creating a sense of dynamic movement and energy.

Julian Wave

Фемаль. Сезон второй

18+

Julian Wave
Фемаль. Сезон второй
Серия «Фемаль», книга 2

<https://litres.ru/74130633>

SelfPub; 2026

Аннотация

В отеле «Фемаль» рушатся привычные опоры. Рита, обманутая исчезнувшим управляющим Ильёй, пытается удержать на плаву и отель, и себя — и соглашается на предложение Генриха, не зная, станет ли это спасением или новой ловушкой. Рома, застав чужую свадьбу, бросается в водоворот чужих проблем, помогая Карине укрыться от преследующего её прошлого, но сам всё глубже погружается в собственные тени, которые напоминают о себе через десять лет. А певица Оливия, случайно увидев на питерской улице бегущего незнакомца, ещё не знает, что этот миг перевернёт её маршрут. В городе, где дождь смывает следы, а каждое обещание может оказаться ложью, героям предстоит выбирать между безопасным прошлым и пугающим будущим — и платить за каждый неверный шаг.

Содержание

Глава 1. "Зачем"	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Julian Wave

Фемаль. Сезон второй

Глава 1. "Зачем"

Рома брел по бесконечной серой дороге, которая, казалось, была соткана из слежавшейся тоски всех гостей отеля «Фемаль». Воздух был тяжелым, влажным, с привкусом Невы и чужих несбывшихся надежд.

Машины проносились мимо с ватным гулом — их звук словно заворачивали в несколько слоев одеяла. Фары расплывались в акварельные кляксы, теряя форму.

Слева от него расположилась уютная уличная кафешка. Люди за столиками пили кофе, ели круассаны и громко, весело смеялись.

Он свернул налево, даже не заметив, как сделал этот шаг, — и он уже сидит в своем кабинете в «Фемале».

Пальцы Ромы бегают по клавиатуре, составляя диагностику для очередного сотрудника. Текст получается ровным, без единого лишнего слова.

Внезапно тишину кабинета разрывает трель телефона.
— Слушаю, — говорит Рома, уже привычно потянувшись к трубке.

Но звонок обрывается так же внезапно, как и начался.

На экране телефона загорается время: 19:00.

— Ну и ладно, — пожимает плечами Рома. — Зато пора валить отсюда.

В кабинете стремительно темнеет. Сумерки наполняют весь кабинет. Тени выползают из углов, обнимают стеллажи с книгами, забираются под диван.

«Пора домой», — решает Рома, встает, потягивается, хрустя позвонками после долгого сидения. И в этот момент содержимое кабинета начинает растворяться.

Теперь Рома стоит в коридоре. Не в «Фемале», это точно. Здесь пахнет озоном — тем самым запахом, который бывает после грозы, таким приятным запахом.

— Класс, — говорит Рома в пустоту. — Надеюсь, сейчас не включится телик, предлагая задания, чтобы выйти.

От этой мысли сердце бешено заколотилось. Стен почти не видно. Они уходят в бесконечную черную дыру, в которую даже смотреть страшно — затягивает. Пол под ногами — кафельная плитка, холодная и скользкая.

Рома замирает. Тишина давит на уши. Давит так, что он начинает слышать собственное сердцебиение, похожее на звук воды из-под крана с плохо закрытым вентилем. Тук-тук-тук... Кап-кап-кап...

Он медленно поворачивает голову налево. Повинуясь его взгляду, будто кто-то считывает команды с коры его переутомленного мозга, в темноте загорается окно. Ровный, холодный, белый прямоугольник. Такой белый, что глаза начи-

нает резать.

Сначала Рома видит только свет. Потом — женский силуэт. Тонкий, изящный, с распущенными волосами. Волосы струятся, словно их оmyвает невидимый ветерок.

«Как в клипе Илоны, — думает Рома. — У нее были подобные ролики. Как же она тогда зажгла с двумя другими красотками».

Девушка подходит к окну. И хотя Рома не слышит ни звука — стекло не пропускает ничего, — он знает: там играет музыка.

Женщина начинает танцевать. Она прекрасна. Ее силуэт — графика, достойная пера великого мастера. Рома заворожен.

— Эй! — хочет крикнуть он, но голос не слушается.

Сзади — щелчок, похожий на выстрел пробки из бутылки шампанского на свадьбе.

Рома отрывается от танцовщицы и оборачивается.

Справа, строго напротив первого, загорается такое же окно. Тоже белое, тоже прямоугольное, тоже холодное. Но из окна теперь выходит мужской силуэт. Здесь он уже не танцует. Он подходит к стеклу, садится на пол, скрестив ноги в позе лотоса. Поднимает ладонь, прижимает ее к прозрачной преграде и замирает. Медитирует. Или делает вид, что медитирует, чтобы никто его не бесил.

Рома, движимый непонятным, почти навязчивым любопытством, подходит к нему. Ему хочется прикоснуться к

этой ладони. Просто положить свою руку поверх. Чтобы Что-бы что? Проверить, тепло ли оно? Или настоящий ли он? Или просто...

Но стоит ему лишь поднять руку, как снова раздается сигнал.

Роме снова приходится обернуться. Рядом с танцовщицей загорается второе окно. И оттуда выходит та же самая девушка. Тот же силуэт, те же волосы, та же пластика.

— Секундочку, — Рома даже моргает несколько раз. — Что за бред?

Она начинает двигаться синхронно с первой. Абсолютно одинаково. До мельчайших деталей. Поворот головы — в точности такой же. Взмах руки — градус тот же. Наклон корпуса — синхронно, будто их дергают за одни ниточки из одного кукольного театра.

Рома замирает на месте, вглядываясь в обеих.

Резкий щелчок сзади заставляет вздрогнуть Рому, он переводит взгляд на парня. И там — та же история. Рядом с сидящим мужчиной зажглось еще одно окно, и оттуда выходит его точная копия. Садится рядом в той же позе лотоса. Поднимает руку в тот же момент. Прижимает ладонь к стеклу.

Теперь их двое. Сидят, как две статуи.

— Какая чертовщина, — шепчет Рома одними губами, отходя от парней подальше в центр коридора.

Сердце заново начало биться сильнее. В горле пересохло, а воздуха начинает не хватать. Паника подкатывает к горлу

комом, который он пытается проглотить, но не получается.

Нужно скорее отсюда бежать. Но ноги не слушаются. Словно он бежит по дну бассейна. Каждый шаг дается с усилием, мышцы горят, дыхание перехватывает.

Получается лишь идти: медленно и тяжело, словно он плетется не по коридору, а сквозь время.

Рома делает шаг, второй, третий.

Свет с громкими звуками зажигается слева и справа.

Вокруг — лишь окна. Окна, окна, окна. Бесконечные коридоры, залитые этим холодным, белым, мертвенным светом. В каждом окне — силуэт. Парни в позе лотоса. Девушки, танцующие тот же танец. Копии копированных копий.

Коридор, наконец, заканчивается тупиком. Стена — глухая, черная, без единого проблеска. Без окон и без света.

Рома хочет ворваться в нее со всей силой — не потому, что хочет, а потому что ноги перестали слушаться окончательно, понесли, и остановиться он уже не мог. Парень ударяется двумя ногами и отлетает сразу на пару метров, больно приложившись спиной об пол.

Боли нет, только досада и стыд, что он настолько жалок.

Он оглядывается. Там, вдалеке, бесконечный коридор с бесконечными копиями. Парень забирается в выступ в конце коридора. Можно подождать здесь, пока его не найдет его сестра, Ксюша, или подруга, Рита, или клиентка, Карина, или девушка, Аня.

Но стена, повинувшись какой-то своей, неведомой Роме ло-

гике, начинает светиться. Сначала едва заметно, а потом ярче, белее, но свет становится теплее.

И оттуда, из этого света, выходит она.

Другая девушка.

Рома отползает назад, в коридор странно одинаковых силуэтов, чтобы лучше разглядеть, и замирает. Он не может объяснить, как понимает это — может быть, это профессиональная интуиция, может, просто усталый мозг наконец-то включил разум, — но он уверен.

Она другая.

Походка. Осанка. То, как она держит голову. Все свое, оригинальное, не скопированное, не вставленное в шаблон. Она не танцует, как те девушки. Не садится в позу лотоса, как парни. Она просто стоит. И смотрит на него, протягивая руку, чтобы помочь ему встать.

«Почему меня так тянет к ней?» — мысль проносится в голове Ромы, и тут же гаснет, потому что мыслей слишком много, как машины на питерской улочке в час пик.

Вдруг девушка разворачивается и садится спиной к двери, прижимаясь к ней. Плотно, всем телом, словно дает ему возможность самому встать и прийти к ней, если он сам этого захочет.

Рома, собрав остатки мужества в кулак, подползает почти вплотную. Теперь он видит: это не окно. Это обычная металлическая дверь. Но она достаточно необычна тем, что она и есть, и ее нет. Усиливалось странное чувство, что эту дверь

может открыть только он.

Но Рома протягивает все же руку и кладет ладонь на ручку. Холодный металл обжигает — так, будто он прикоснулся не к двери, а к куску льда. Но он не отдергивает руку. Он сжимает пальцы сильнее.

И тянет дверь на себя.

В тот же миг мир взрывается красным.

По всем белым окнам, по всем прямоугольникам, по всей этой бесконечной галерее силуэтов начинают течь красные следы. Медленно, тягуче, неумолимо.

Красная жидкость течет сверху вниз, закрашивая белый свет, поглощая силуэты танцовщиц и медитирующих парней. Жидкость вырывается в коридор, наружу, заливая пол, стены, потолок.

— Боже — шепчет Рома, и его голос тонет в этом красном потоке.

Глаза начинает жечь. Голова раскалывается от острой, невыносимой боли. В ушах — звон, как от тысячи колоколов, которые бьют набат в одном ритме.

Рома рвет дверь на себя.

Из щели вырывается ветер. Не просто сквозняк из приоткрытого окна. Настоящий ураган. Он бьет в лицо и сбивает с ног.

Рома летит назад, в сторону тех копий, дальше от той девушки. Ему стало настолько страшно, что...

Глаза открылись не сразу. Сначала — вспышка, затем — темнота. Снова вспышка, но уже не такая яркая, скорее серая и мутная.

Рома лежал на холодном кафеле в своей ванной. Холод пробирал до самых костей, которые, казалось, уже превратились в ледышки. Он не чувствовал ни рук, ни ног. Только голову, которая так сильно болела, что глаза готовы были выпасть из орбит.

Сначала Рома не понял, где находится. Глаза отказывались фокусироваться. Перед ними всё еще плыли красные пятна — наследие кошмара, который никак не хотел отпустить.

Звон в ушах стоял такой, что хотелось не проснуться, а, наоборот, провалиться обратно в сон. Даже в этот кошмарный, главное лишь бы не чувствовать эту боль.

Рядом с лицом, в паре сантиметров, лежал осколок зеркала. Острый, неровный, с серебряным напылением, которое отслаивалось кусочками. В нем отражался его приоткрытый глаз — красный, воспаленный, с лопнувшими капиллярами.

Он медленно приподнялся на правый локоть. Пол был завален содержимым аптечки. Раздавленные коробки с лекарствами — их белые картонные бока смяты и разорваны. Рассыпанные белые таблетки валяются вперемешку с осколками стекла и пластмассы.

Вода из крана капала с завидным упрямством.

— Я, кажется, устроил здесь локальный апокалипсис, —

подытожил Рома, с трудом садясь и прислоняясь спиной к холодной стене.

Тело колотила мелкая дрожь. зуб на зуб не попадал. Рома взглянул на свои руки. Пальцы бледные, почти синие, с прозрачными ногтями. На левой руке — несколько уже подсохших царапин от осколков. Кровь не течет — она засохла.

— Идиот, — сказал он вслух. Голос был хриплым, чужим. Будто не он говорил, а кто-то другой, сидящий у него в горле. — Какой же ты придурок, Рома. Что ты устроил?

Он попытался вспомнить вчерашний вечер. Ангелина в белом свадебном платье с фатой, которая развевалась на сквозняке. Фил в смокинге — в том самом, в котором он делал ей предложение. Их улыбки. Их взгляды. Их «да», которое они сказали друг другу.

Его надежды разбиты вдребезги, как то зеркало.

Он с трудом поднялся с полу, подошел к крану, схватился за вентиль и с силой закрутил его. Вода перестала капать. Тишина стала почти оглушительной.

— Теперь надо согреться, — сказал он себе.

Он открыл красный вентиль ванны. Вода полилась с такой бешеной энергией, будто застоялась в трубах и рвалась на свободу.

Из кармана брюк — всё еще мокрых, плотно прилипших к ногам — он достал телефон. Экран засветился, резанув по глазам яркостью, которую он тут же приглушил, инстинктивно нажав кнопку настройки. Время — 4:43 утра.

Чувствительные пальцы дрожали, когда он пытался ввести пароль. Ни с первого, ни со второго раза не получилось. Лишь на третий, когда он специально замедлил движения и стал нажимать на каждую цифру отдельно, экран разблокировался.

Интернет автоматически был отключен. Включив его, дождался, пока загрузятся сообщения, и понял...

Ни одной смс. Даже спама.

— Да я суперзвезда, — горько усмехнулся Рома.

Он скинул телефон на стиральную машину — пусть лежит, не отсвечивает — и с трудом, путаясь в рукавах, стянул с себя одежду, пропитанную водой и пропахшую лекарствами.

— Прощай, — сказал он, бросая ее в угол.

Дышать было трудно. Каждое движение отдавалось тупой болью в мышцах — видимо, вчерашний забег по Питеру всё-таки дал о себе знать.

Холод пробирал до печенок. Рома, не дожидаясь, пока ванна наполнится, шагнул в воду. Он даже не почувствовал, насколько горячей была вода.

Вода разливалась по телу, как анестезия, обнимая его со всех сторон, забирая боль и холод.

Он откинулся на край ванны, закрыл глаза.

В голове, как навязчивая мелодия, всплыл образ Ани у алтаря с букетом в руках и улыбкой, которая предназначалась не ему.

— Так, — сказал он громко, ударив ладонью по воде. Брызги разлетелись во все стороны. — Так дело не пойдёт, надо отвлечься.

Он опустил голову под воду. Тишина стала абсолютной. Вода заглушала всё. Звон в ушах исчез. Шум в голове — тоже.

Рома вынырнул, жадно глотая воздух. Капли стекали по лицу.

— Нужен выходной, — вдруг подумал он вслух. — Расслабить тело и дать ему отдохнуть. Что советовал Рите, теперь нужно самому.

Он снова закрыл глаза и вспомнил Риту — хозяйку отеля, подругу, девушку, которая пыталась разобраться в себе, в своих отношениях с парнями.

Как он может помогать ей, когда он не может справиться с самим собой? Какой из него теперь психолог? Снова позволил себе право на чувства.

— А может, я тоже руководствовался страстью? — спросил он у потолка. — Увидел красивую девушку, которая пела, улыбалась, казалось, что флиртowała. И всё понеслось. А по факту — что? Просто напридумывал, как обычно. Додумал себе то, чего нет.

Он помолчал. Вода тихо плескалась, успокаивая.

— Не надо об этом, — повторил он снова, словно заклинание.

«Но чем заняться? Лежать? Нет, я не пролежу просто так,

мысли снова нагонят. Нужно отвлечься, чем угодно: сериалом, книгой, игрой в «Сапера» на компьютере. Хоть пасьянс разложить».

— Но пока я в ванне телефон мне в помощь, — пробормотал он, схватив его со стиральной машины. — Ты, друг, теперь мой единственный союзник.

Рома пролежал в воде еще около часа, просматривая смешные ролики в социальных сетях. Тело наконец восстановилось после ночи на холодном полу.

Сверху выпало уведомление от Риты — звонок.

Он провел пальцем по экрану. Подушечки пальцев были сморщенными от воды, поэтому получилось не с первого раза. Пришлось вытирать руку о край ванны, потом снова тыкать.

— Итак? — сказал он в трубку. Голос звучал так, будто он впервые разговаривает в своей жизни.

— Как ты? — голос Риты был встревоженным, но она старалась говорить чересчур бодро.

— Отлично? — соврал он так, что прозвучало как вопрос.

Глядя на разгром, он добавил чуть тверже, стараясь, чтобы голос звучал хотя бы отдаленно похоже на его обычный, ироничный:

— Нормально всё. Расскажи, как у тебя прошел день выборов?

Рита помолчала так, как молчат, когда собираются с мыслями.

— Ну — наконец сказала она. Рома услышал, как она перекладывает трубку из одной руки в другую. — Мне нужно с тобой поговорить. Можешь сразу, как приедешь на работу, зайти ко мне в кабинет?

Рома выдохнул.

— Рит — он помолчал, собираясь с силами. Каждое слово давалось с трудом. — Я бы хотел на сегодня взять отгул. Это возможно?

Тишина в трубке затянулась. Рита молчала. Её молчание было красноречивее любых слов. Она всё поняла. Не могла не понять.

— Да. Да, конечно, — в её голосе послышалось тепло. — Отдыхай. И, Рома

— М?

— Можешь вообще не приходить, пока не восстановишься.

— Спасибо, — сказал он, и это слово было теплее, чем он ожидал.

Он отключился и, не в силах больше находиться в давно уже холодной воде, выбрался из ванны.

Голым и мокрым он побрел в комнату за полотенцем. Ноги подкашивались — пол скользил, мышцы ныли, колени дрожали. В голове шумело, но на душе стало чуть легче.

Вытеревшись и забравшись в кровать, Рома укутался в одеяло с головой. Старое, потертое, но теплое. За окном шумел дождь.

Он вспомнил, как принял старую таблетку антидепрессантов. Ту самую, которая осталась с того момента, как он перестал их пить. Два года он был «чистым».

А потом он вспомнил сообщение от Урсулы.

«Годовщина. 10 лет».

Десять лет. Третью его жизни. Столько бы еще не вспоминать.

— Хватит, — сказал он твердо, хотя в голосе не было ни грамма твердости. — Об этом уж тем более не надо.

Он открыл приложение аптеки на телефоне. Пальцы, еще мокрые и дрожащие, с трудом попадали по буквам. Он нашел те самые антидепрессанты, которые помогли ему справиться с тем кошмаром. Тем, который закончился, как казалось, пару лет назад. Пачку надо будет заказать, как только это будет возможно. А теперь надо поспать.

Рома закрыл глаза и уснул, но теперь ему уже ничего не снилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.